

КРИТЕРИИ ПРОГРЕССИВНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕАЛОВ В ДИСКУССИЯХ РОССИЙСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НАЧАЛА XX в.

Статья посвящена анализу суждений российских теоретиков начала XX в. о критериях прогрессивности социальных идеалов. Особое внимание уделено разработкам В.М. Чернова – представителя неонародничества.

В дискуссиях российских социальных теоретиков конца XIX – начала XX в. заметное место занимали проблемы социализма и в связи с этим вопросы, связанные с выяснением природы и функций общественных идеалов, поскольку социализм и рассматривался в качестве идеала, выполнявшего по отношению к настоящему критическую функцию. Наиболее трудным и спорным вопросом оказался вопрос о критериях прогрессивности идеалов, т.е. о том, как определить, какой идеал «выше», правильнее.

Механизм формулирования «научного» социального идеала был разработан ведущим теоретиком неонародничества В.М. Черновым. Он стремился доказать, что можно и нужно научное познание совмещать с оценкой, т.е. логический уровень с эмоциональным и это не противоречит науке.

Развивая аргументацию Н.К. Михайловского с позиций «критического эмпиризма», В.М. Чернов утверждал, что процессы получения теоретических и нравственных (или практических) истин формально одинаковы. Как в науке процесс познания сводится к разложению идей на их составные элементы, простейшими из которых являются «восприятия», так и в отношении нравственных идей осуществляется та же процедура, в результате которой мы получаем «другой род ощущений – эмоции». Отличие нравственных идей от теоретических, по Чернову, состоит в том, что первые отвечают на вопрос: «Что, по моему, должно быть?», а вторые – «Что я нахожу перед собой, что есть?». Соответственно теоретические идеи опираются на свидетельства «внешних чувств», нравственные же – «на голос элементарных эмоций, которые, различно комбинируясь, освещают изнутри поток ощущений и представлений» (выражение Гейтинга), окрашивая его в цвета желательности или нежелательности... Это и дает нам возможность в абстракции (выделено мною. – Т.К.) отделить субъективный чувственный тон от объективно-безразличного содержания представлений» [1. С. 135].

Мы выделили слово «абстракция», потому что В.М. Чернов усиленно подчеркивал, что «этот тон» и «это содержание» даны нам «слитно, как целостное психическое переживание». Если это упустить из виду, то создается пропасть между категориями сущего и должного. Именно эту ошибку совершали, по мнению В.М. Чернова, идеалистически и религиозно настроенные мыслители. На самом деле, по его мнению, пропасти здесь нет [1. С. 135–136].

Данное положение было важным звеном в его рассуждениях, так как, настаивая на том, что «чувственный тон есть неизбежная обратная сторона процесса восприятий, представлений, умозаключений» и что формируются они сходным образом, он настаивал на том, что в «области общественно-политических явлений теорети-

ческое исследование является вместе с тем и оценкой», и на том, следовательно, что человек вправе доверять своим «чувствованиям» так же, как логическим выводам.

Его резюме по этому вопросу: только по отношению к «элементарным эмоциям», а не к «сложным», «составным», справедливо распространенное мнение, что последняя инстанция этики – не ум, а чувство. Если же быть последовательным, то придется согласиться, что нет принципиальной разницы между «практически-этическими и теоретическими идеями», потому что и в теоретических вопросах «последняя инстанция – не ум, а ощущения, показания внешних чувств» [1. С. 166].

Доверие же человека к своим «чувствованиям», в свою очередь, было необходимо в его системе при сравнительной оценке различных идеалов, о чем подробнее будет сказано ниже.

Сейчас обратим внимание на определение идеала. Из вышеизложенного уже можно заключить, что, по мнению В.М. Чернова, идеал как высшее нравственное построение играет не только организующую роль для эмоций, о чем он уже упоминал, и чего было бы достаточно для идеала ранних социалистов-утопистов, но идеал должен еще опираться и на теоретические «истины», чтобы не быть утопией. Вполне логично поэтому, что научному идеалу он давал следующее определение: «Идеал есть построение, которое соединяет в себе элементы предвидения (научного. – Т.К.) и оценки» [2. С. 373–374]. Если идеальные построения утопистов неудовлетворительны были по причине легкого соскальзывания в область фантазии, то стремление К. Маркса заменить идеал только научным предвидением казалось В.М. Чернову недостаточным, потому что, по его мнению, предвидение могло указать лишь на «конечный результат известного процесса развития», но конечный результат, резонно замечал он, не всегда совпадает с «конечной целью». Поэтому идеал должен строиться на теоретическом фундаменте, но окрашенном нравственным отношением к нему. И построение такого идеала должно быть строго научным, т.е. рациональным конструированием, выполнять которое может и должна социология. Механизм формирования общественного идеала ему представлялся следующим.

Началом процесса должно стать изучение «психологии чувствований и психологии потребностей». Это даст построению исходный пункт – «теорию нормального, здорового, гармонического удовлетворения потребностей (своего рода “научную теорию счастья”» [1. С. 138–139]. Следующая ступень – это изучение «социальных форм, учреждений, установлений (экономических, правовых, политических)» в их отношении к такому нормальному развитию личности. Результатом должно быть «выведение» такой идеальной комбинации данных форм и учреждений (или только их отдельных сторон и элемен-

тов), которая наиболее способствовала бы гармоничному развитию личности. Заключительным звеном будет изучение «существующих форм жизни и поведения отдельных лиц и целых групп в их отношении к социальному идеалу, опять-таки, как средств к цели». В итоге идеал «должен представлять собою высшее единство всех активных тенденций и потребностей человеческого духа, конкретное же содержание идеала определяется научным знанием связи между субъективными потребностями человека и объективными средствами их удовлетворения» [1. С. 138–139].

Соглашаясь с замечанием, что подобное построение будет во многом «телеологическим», а не «генетическим», В.М. Чернов не видел в этом ничего угрожающего его научности и убедительности. Данные способы связи явлений он считал равноценными и различающимися лишь направлением. Когда строится «генезис факта», от определенных начальных условий идут к обусловленному. А рассуждая «телеологически», исходят из представления об определенном состоянии и подыскивают необходимые для его осуществления условия. Предвидя упреки в субъективизме, В.М. Чернов стремился доказать, что термин «субъективный» здесь употребляется только в том смысле, что авторами являются субъекты (личности), но это не равносильно индивидуальному произволу. В субъективизме он предлагал различать «законный» и «незаконный» смысл. К «незаконному» он относил:

- 1) «...логический субъективизм случайного или произвольного мнения;
- 2) субъективное представление, возникающее из недостатка сведений;
- 3) ...субъективизм личного аффекта, искажающий понимание пристрастием».

Вместе с тем он охарактеризовал ситуации, где проявления субъективизма неизбежны, с его точки зрения, и в этом смысле он «законен»:

1) при использовании элементов, из которых состоит собственный внутренний мир исследователя для конструирования из них, «на основании сходств и различий в объективных представлениях», внутреннего мира других людей;

2) при рациональном построении идеала «нормального общежития»;

3) при пользовании этим идеалом как критерием для: а) ранжирования социальных явлений по степени их важности и б) оценки явлений и деления их на прогрессивные и регрессивные, нормальные и патологические.

«И если социолог, – утверждал В.М. Чернов, – *удовлетворяя всем прочим требованиям логики и научной методологии*, (выделено Черновым. – Т.К.) направит свое исследование согласно трем выставленным нами правилам, то он поднимет неизбежный человеческий субъективизм до степени научно-регулируемого приема мышления, до степени субъективного (или субъективно-телеологического) метода мышления» [1. С. 162–163].

Далее он переходил к вопросу о критериях прогрессивности идеалов. В.М. Чернов полагал, что «ценность идеала находится в зависимости от того, насколько гармонически охватывает он все виды эмоций и соответствующие им потребности человечества, насколько он удов-

летворяет всей их совокупности. Сами же эти эмоции «есть последняя инстанция, ценность каждой из них есть первоначальная ценность, к которой применимо замечание Г. Зиммеля, что она «может быть лишь почувствована» и является, по выражению Канта, как бы *фактом* (выделено В. Черновым. – Т.К.)» [1. С. 138]. Вот здесь и должны были пригодиться вышеприведенные суждения В.М. Чернова о том, что «чувствования» человека являются вполне «надежным фундаментом рационального, логически безукоризненного (и в этом смысле *научного*) идеала» (выделено В. Черновым. – Т.К.) [1. С. 166].

Самой серьезной попыткой оспорить этот критерий В.М. Чернов считал книгу Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском». Н.А. Бердяев в ней заявил, что вывод «субъективистов» о том, что «доказать» преимущества одного идеала перед другими нельзя, что их надо «почувствовать», означает лишь индивидуальный произвол в этике, что критерием в данном случае должно быть нечто объективное. В.М. Чернов в ответ привел все вышесказанное о способе построения идеала, о теоретических и нравственных «истинах», о возможности вычлнить общечеловеческие представления о счастье из индивидуальных, а затем подверг критическому разбору предложенные Н.А. Бердяевым критерии и, надо признать, обнаружил их серьезную уязвимость.

В то время (1901 г.) Н.А. Бердяев эволюционировал «от марксизма к идеализму» и придерживался еще классового подхода К. Маркса к оценкам явлений, но уже с добавлением априоризма в этике, утверждая, что «формальное различие между добром и злом, нравственным и безнравственным предшествует всякому чувственному опыту» [3. С. 73]. По его мнению, в нравственных понятиях следует различать две стороны: «формальную» и «материальную». Формальные элементы – это априорные, независимые от опыта «категории... блага, добра, гуманности... и т.п.». Но действительно, как указывает В.М. Чернов, это лишь формы, которые надо наполнить содержанием, взятым из опыта. Поскольку же содержание нравственности «в высшей степени текуче», то различные нравственности следует оценивать по какому-то критерию.

В качестве основы для разработки такого критерия он предлагал марксистскую формулировку, в его изложении имеющую следующий вид: «Один общественный идеал выше и нравственно предпочтительнее другого потому, что за него стоит исторический процесс, потому что он прогрессивнее, он приспособленнее к требованиям социального развития; нравственность одного класса лучше и справедливее нравственности другого, потому что она жизнеспособнее, потому что ей принадлежит «будущее»» [3. С. 69].

Цитируемое место, как нетрудно заметить, вызывает вопросы, которые В.М. Чернов и поставил, указав, что здесь содержится целых три критерия оценки идеалов, но ни с одним из них нельзя согласиться. Первый вариант – один идеал «выше» другого, потому что «за него стоит исторический процесс» – сам Н.А. Бердяев, отмечал В.М. Чернов, в этой же работе счел неприемлемым, так как вполне можно предположить, что исторический

процесс ведет к «более утонченным и отвратительным формам эксплуатации и рабства», а это несовместимо с уже существующим нравственным сознанием индивида и не может примирить его с таковым идеалом. В.М. Чернов соглашался с Н.А. Бердяевым, что указанный критерий неэффективен.

Второй вариант – тот идеал «выше», который «прогрессивнее». В этой же книге Н.А. Бердяев расшифровывал содержание «прогресса» как «переход от этически-худшего к этически-лучшему» [3. С. 123]. Получался замкнутый круг и, следовательно, вновь неработающий критерий. Третий вариант – тот идеал «выше», который «приспособленнее к требованиям социального развития». Но он также неудовлетворителен, потому что, указывал В.М. Чернов, если под термином «развитие» понимать «эволюцию» и «процесс» – безотносительно к идее «улучшения», то происходит возврат к первому варианту; если же имеется в виду «прогресс» в вышесказанном бердяевском толковании, то происходит возврат ко второму варианту.

Н.А. Бердяев тоже считал, что данная формулировка нуждается в корректировании и делал это, дополняя ее утверждением, что «... только в нравственном сознании прогрессивного общественного класса замечается гармония психологического и трансцендентального сознания, субъективной и объективной нравственности» [3. С. 78]. Но на возникающий неизбежно вопрос «какой же класс... прогрессивнее?», по мнению В.М. Чернова, у Н.А. Бердяева аргументированного ответа найти нельзя. Н.А. Бердяев всего лишь может сказать, что считать прогрессивным классом следует тот, который «выдвинут историческим процессом, ... а мы видим в историческом процессе прогресс, и это окрашивает наше мирозерцание в оптимистический цвет». Но на вопрос, почему Н.А. Бердяев считает исторический процесс прогрессивным, он честно признавался: «Вся наша аргументация покоится на одном основном предположении, с падением которого она неизбежно рухнет, – на предположении всемирного прогресса» (выделено Н.А. Бердяевым. – Т.К.) [3. С. 80].

Н.А. Бердяев уверяет себя и других, писал В.М. Чернов, что «в историческом процессе есть имманентная целесообразность... Человек, его могущество и свобода – не только субъективная цель, которую сам человек себе ставит..., нет – это также объективный результат исторического процесса и его общеобязательная цель». «Философии будущего, – надеялся Н.А. Бердяев, – удастся, наконец, показать, что имманентная целесообразность и прогрессивность исторического процесса (а так же и мирового) не есть дело мало-правдоподобного случая, как в конце концов предполагает механическое мировоззрение» (здесь – марксизм. – Т.К.) [1. С. 136]. Однако, как справедливо замечал В.М. Чернов, Н.А. Бердяев в конечном счете лишь предлагает нам «поверить» в его «предположения», но не может привести объективные доказательства, почему «именно данная точка зрения выше всякой другой» [1. С. 172–173]. Таким образом, констатировал В.М. Чернов, Н.А. Бердяеву не удалось представить объективного в его понимании критерия для сравнительной оценки социальных идеалов и, следовательно, опровергнуть объективность в понимании так называемых «субъективистов».

Напомним, что В.М. Чернов, стоя на позициях эмпириокритицизма, считал, в конечном счете, и данные науки, и эмоции «реальными фактами», утверждал, что в исследовании социальных явлений «констатирование объективных признаков и субъективное (психологическое) их истолкование должны гармонически сливаться» [1. С. 123], что и позволяет строить научно обоснованный идеал, имеющий нравственную «окрашенность». «Изучая законы отношений, – писал он, – в которых находится к различным данным восприятий (“теоретические истины”. – Т.К.) разнообразие сопутствующих, неразрывно связанных с ними “оценок” чувственного тона (“нравственные истины”. – Т.К.), мы затем утилизируем эти знания, создавая в своем уме такую комбинацию представлений, которая давала бы удовлетворение всем сторонам нашей эмоциональной организации. Так, в представлении “высшего социального строя” мы так стараемся скомбинировать данные, заимствованные из настоящего и прошлого нашей общественной жизни, чтобы устранить всякую возможность конфликтов и противоречий: царство идеала есть царство примирения и солидарности всех интересов, удовлетворения всех потребностей» [1. С. 137]. Таким представлялся процесс создания общественного идеала, выявления его содержания и определения критерия его прогрессивности В.М. Чернову: именно общность представлений множества разных людей рассматривалась им как гарантия значимости идеала не только для одного индивида.

Как видим, вопрос о критерии оценок самих общественных идеалов был действительно спорным. Свой вклад в его разрешение внес А.А. Богданов, выступив фактически на стороне В.М. Чернова. В статье «Что такое идеализм», написанной в том же 1901 г. (когда и рассматриваемые работы Н.А. Бердяева и В.М. Чернова вышли из печати), он анализировал понятия «прогресс», «идеализм», «идеал».

Содержание термина «социальный прогресс» он выяснял, отталкиваясь от характеристики биологического прогресса. Биологи сходятся на том, отмечал А.А. Богданов, что «биологическим прогрессом называется возрастание суммы жизни как со стороны ее интенсивности, так и со стороны разнообразия ее проявлений, а всякое понижение суммы есть регресс» (выделено А. Богдановым. – Т.К.) [4. С. 15]. Человеческая жизнь является преимущественно «жизнью сознания», но тем не менее, утверждал А.А. Богданов, «и там, где люди сходятся в своих высказываниях относительно прогресса, и там, где они расходятся, основной смысл идеи прогресса остается один и тот же: *возрастающая полнота и гармония жизни сознания*. Таково объективное содержание понятия «прогресс» (выделено А. Богдановым. – Т.К.) [4. С. 15]. Сравнивая биологическое понятие «прогресса» с психологическим¹, мы видим, по мнению А.А. Богданова, что второе вполне совпадает с первым и может быть из него выведено. Сумма жизни возрастает и тогда, когда увеличивается «полнота» жизни, и тогда, когда жизнь становится «гармоничнее». «Возрастание гармонии жизненного процесса, – пояснял он, – означает ослабление его внутренних противоречий, ... уменьшение взаимной

¹ Следует иметь в виду, что под «психическим» А.А. Богданов понимал сознание.

неприспособленности его элементов, благодаря которой они в той или иной степени разрушительно влияют друг на друга...». Отсюда он делал вывод: «Так как жизнь социальная сводится к психической жизни членов общества, то и здесь содержание идеи прогресса все то же – возрастание полноты и гармонии жизни; только надо прибавить – *социальной* жизни людей. И конечно, иного содержания идея социального прогресса никогда не имела и не может иметь» (выделено А. Богдановым. – *Т.К.*) [4. С. 16].

Что касается взаимосвязанных понятий «идеализм» и «идеал», то А.А. Богданов указывал, что «характеристика “идеализм” применяется к проявлениям активной психической жизни; чувства, стремления, поступки признаются идеалистическими тем в большей мере, чем более социально они направлены». «Идеализм, другими словами, есть... *социально-прогрессивное настроение*, а идеал – та представляемая конкретная цель, к которой это настроение влечет человека» (выделено А. Богдановым. – *Т.К.*) [4. С. 19, 22].

Исходя из таких представлений о содержании терминов «социальный прогресс», «идеализм», «идеал», А.А. Богданов, на наш взгляд, гораздо более четко ответил на спорный вопрос о степени прогрессивности социальных идеалов, затронув и другие важные аспекты социального идеализма.

На первый взгляд, писал А.А. Богданов, вопрос о прогрессивности общественных идеалов может быть решен очень просто. Если сущность социального прогресса заключается в возрастании полноты и гармонии сознательной жизни людей, то идеал должен быть признан «общественно-прогрессивным», если его осуществление приведет к возрастанию полноты и гармонии в жизни общества. Однако такое решение все же нельзя считать вполне достаточным. Например, общество будущего, описываемое социалистом-утопистом Э. Беллами, это общество, «застывшее в довольстве и самодовольстве, безмятежно почивающее на лаврах после одержанных предыдущими поколениями побед... – такое общество не включает в себе стимулов для дальнейшего развития – оно в самом себе не прогрессивно. Поэтому утопия Беллами в конечном анализе вовсе не есть прогрессивный идеал» [4. С. 22]. Следовательно, подчеркивал А.А. Богданов, окончательное решение вопроса о прогрессивности идеала зависит от того, в какой мере достижение этого идеала создает возможность дальнейшего прогресса. «Высшим», наиболее прогрессивным в ряду... конкретных идеалов должен быть признан тот, который в наибольшей мере способен стать «исходной точкой последующего развития» [4. С. 26–27].

Прогрессивность социальных идеалов, кроме того, тесно связывалась А.А. Богдановым с возможностью их осуществления. История полна примеров, напоминал он, когда попытки осуществить прогрессивно оцениваемые общественные идеалы приносили людям и обществу колоссальный вред, потому, полагал А.А. Богданов, осуществимость идеала должна входить в понятие о его прогрессивности. Для социалистов сегодняшнего дня это звучит как нельзя более актуально. Кроме того, он коснулся вопросов о «широте» и «глубине» социальных идеалов. «Идеал, не выходящий за пределы жизненных отношений ограниченной группы людей, – в этом смысле

(“идеалистичнее те идеалы, которые в большей мере социальны”. – *Т.К.*) ниже, чем идеал, содержание которого захватывает жизнь целого класса, а идеал узко-классовый ниже, чем тот, который обнимает жизнь всего общества. Таковы различия в “широте” идеалов». Под «глубиной» социальных идеалов он понимал историческое расстояние, на протяжении которого сохраняется действительность данного идеала: «Не глубок тот идеализм, для которого все задачи исчерпываются жизнью одного поколения» [4. С. 24–25].

Вопрос об осуществимости социальных идеалов мог решаться научно, по мнению А.А. Богданова, только на основе «принципов исторического монизма» (так он называл исторический материализм К. Маркса с собственными к нему поправками). «Принципы исторического монизма не раз применялись для суждения о вероятной судьбе и социальном значении различных возникающих или развивающихся общественных течений и последующий опыт оправдывал эти суждения. А *возможность предсказать* есть наиболее убедительное доказательство научной истины (выделено А. Богдановым. – *Т.К.*)» [4. С. 25–26]. Немаловажно и то, полагал А.А. Богданов, что проблемы осуществимости социальных идеалов рассматриваются в «историческом монизме» вместе со способами и возможными субъектами их осуществления, что увеличивает надежность прогнозов.

Позиция А.А. Богданова расширяла аргументацию В.М. Чернова в споре с Н.А. Бердяевым. Если В.М. Чернов сосредоточил внимание на неудаче Н.А. Бердяева отыскать эффективный критерий оценки прогрессивности идеалов без соскальзывания на точку зрения априоризма, то в рассматриваемой статье А.А. Богданова анализировался сам психологический механизм перехода на подобную точку зрения и прослеживались возможные логические следствия из нее.

Идея социального прогресса, утверждал А.А. Богданов, может «затемняться субъективизмом», возникающим из «самого способа мышления людей». Расшифровывал это положение он следующим образом. Идеал в виде конкретно представляемой цели может непосредственно руководить деятельностью человека (к чему призывал и В.М. Чернов). Однако отсюда возможна ситуация, когда человек («идеалист» в терминологии А.А. Богданова) настолько привыкает все свое внимание в своей деятельности сосредоточивать на идеале, что «самый прогресс представляется ему как *приближение к идеалу*» (выделено А. Богдановым. – *Т.К.*). Такое понимание идеи прогресса А.А. Богданов называл субъективным и отмечал, что зачастую оно «совершенно скрывает за собою ее действительное, объективное содержание». Особенно часто такое «затемнение идеи прогресса» происходит «при господстве *статике* в познании» (выделено А. Богдановым. – *Т.К.*), т.е. при неумении смотреть на социальные явления в их развитии. «Статическое мышление», встречаясь с явлениями прогресса, не может представить их исторически, «как непрерывный процесс, без начала и конца, потому что в таком представлении оно не находит на чем остановиться, оно ищет и здесь точку опоры, и такой точкой опоры служит ему конкретно представляемый идеал» [4. С. 26–27]. Так появляется возможность всякий шаг на пути прогресса ста-

вить в зависимость от идеала, а он сам уже не от чего не зависит и выступает как нечто безусловное и неизменное.

В то же время, несмотря на различия между «объективным» пониманием прогресса (оно исходит из идеи непрерывного, безграничного прогресса и имеет, по Богданову, положительный характер, так для него прогресс означает благо само по себе) и «субъективным» (оно дает идею ограниченного прогресса и имеет скорее «отрицательный оттенок», так как приближение к идеалу означает только «уменьшение расстояния между „сущим“ и „должным“»; благом является идеал, а не сам прогресс); о том, что находится за достигнутым идеалом – такой вопрос обычно не ставится), они на практике могут частично совпадать. Так бывает в случае, если идеал действительно прогрессивен, тогда и приближение к нему является прогрессом, и пока идеал не достигнут, не важно, писал А.А. Богданов, «осознает ли „идеалист“, что этот идеал есть только частное выражение исторической тенденции развития или придает ему безусловное значение». Но есть ряд ситуаций, отмечал А.А. Богданов, где эти понимания прогресса приходят в явное столкновение. Во-первых, когда идеал оказывается реакционным, а его приверженцы все, в чем видят приближение к нему, считают прогрессом. По мнению А.А. Богданова, такое случается с идеалами «отживающих классов». Во-вторых, идеал, вполне прогрессивный, может быть достигнут, и тогда его приверженец может превратиться в реакционера, не желающего дальнейшего движения. Такое случается с идеалами социальных групп, чья роль в обществе начинает уменьшаться. Те же классы, для которых «возможность развития не ограничена узкими рамками, доступными их зрению, необходимо выработают для себя... историческое, объективное понимание прогресса». Это уже сказывается, по его мнению, «на самом способе представления идеалов: их историчность не только сознается, но ... и выступает отчетливо в самой их формулировке. Таков идеал, выраженный одним выдающимся европейским мыслителем в словах: всеобщая кооперация для всеобщего развития» [4. С. 29]. Эти слова позволяют нам утверждать, что А.А. Богданов считал марксизм не враждебной социальному идеализму теорией, хотя и не занимающейся специально разработкой социального идеала.

Несмотря на то что историческое развитие приводит к распространению именно объективного понимания социального прогресса, «статическое мышление», по мнению А.А. Богданова, не сразу сдает свои позиции, а пытается приспособиться к переменам. Одной из таких попыток он и считал религиозные и трансцендентные теории прогресса, эти комбинации несовместимого: «идеи непрерывного движения с идеей неподвижного». Как же можно соединить безграничность прогресса с представлением, что прогресс есть приближение к идеалу? Для этого, указывал А.А. Богданов, надо идеал удалить на «бесконечное расстояние», сделать его недостижимым; на место «конечных, частных» идеалов поставить идеалы «всеобщие и бесконечные: абсолютное совершенство в виде, например, абсолютного добра, истины и красоты». А после этого заявить, что всякий шаг прогресса есть приближение к этим абсолютам. Когда же эта идея становится основой мировоззрения, то весь

«мировой процесс начинает рассматриваться «телеологически², как вечное движение к вечным целям». По мнению сторонников этой точки зрения, «цели мирового процесса – это ...абсолютные, надчеловеческие и в то же время объективно, а не только в сознании людей существующие цели. Они непрерывно осуществляются в большей или меньшей мере, но их полная реализация не мыслима ни в какое время, ни в каком месте: они лежат вне пространства и времени. Только по отношению к «вечным ценностям» получают значение всякие «временные ценности» [4. С. 30].

Для того чтобы доказать ложность подобных концепций социального прогресса, А.А. Богданов предпринял анализ понятия «абсолютная цель» и самой конструкции теории на предмет выявления ее внутренних противоречий.

Анализируя понятие «абсолютная цель», он опирался на процесс образования понятий вообще. «Содержание понятий образуется из представления, но, очевидно, что никакие конкретные представления *частных* целей не могут дать материал для “абсолютной цели” (выделено мною. – Т.К.). Всякие представляемые цели принадлежат психике определенных сознательных существ, а цели абсолютные принадлежат мировому процессу в его целом, которое не дано нам ни в восприятии, ни в представлении. Вообще, если понятие представляет абстракцию, содержание которой возникает из фактов человеческого опыта, то для понятия абсолютных целей невозможно найти никакого содержания: в сфере человеческого нет места ничему абсолютному, там все относительно. Абсолютные цели – это абстракция от несуществующего опыта, это слово, за которым не скрывается никакого познавательного содержания» (выделено А. Богдановым. – Т.К.) [4. С. 28–31].

Но в психике людей, которые признают его ценность для познания, отмечал А.А. Богданов, это понятие выступает, как чрезвычайно важное. По его мнению, материалом для содержания такого понятия являются представления, психологически близкие, но тем не менее не соответствующие собственному смыслу абстракции: «...представления частных, относительных истин, смещиваясь и расплываясь в сознании, образуют фиктивное, воображаемое содержание для идеи абсолютной истины. А когда с этим соединяется интенсивное, приятное, возвышенное настроение, то не остается места сомнению в реальности абсолютного: пустая абстракция одевается плотью и кровью, становясь предметом веры. ...Выступая в переживаниях тысячи и миллионы раз, многие предметы веры достигают несравненно большей несомненности, чем наиболее установленные истины опытного знания... Тогда против них бессильна всякая логика. Так из идеалов создаются идолы» [4. С. 31–33].

Внутренняя же противоречивость подобной теории («идолистической»), по мнению А.А. Богданова, становится явной, как только ставятся вопросы о содержании прогресса в его «идолистическом» толковании. Прогресс здесь – это приближение к абсолютному, уменьшение расстояния между «сущим» и «должным». Как же вели-

² Но только такая телеология, отмечал А.А. Богданов, не имеет ничего общего с «обычной, практической телеологией людей», когда они стремятся к относительным, субъективным целям.

ко это расстояние? Оно бесконечно и всегда таким останется. Что же означает бесконечность расстояния? «Бесконечное расстояние есть такое, при котором действительное приближение немислимо..., так что по отношению к абсолютному слово “приближение” вообще не имеет никакого смысла». «Неизбежный вывод таков: если абсолютное лежит вне расстояния, а никакое реальное приближение к нему невозможно, то «прогресс» есть чистейшая *иллюзия*, это бег на месте, а не движение вперед» (выделено А. Богдановым. – *Т.К.*) [4. С. 34–35]. Кроме того, отмечал А.А. Богданов, данное противоречие является причиной и своеобразного «дуализма познания» у представителей «статичного мышления», когда познание относительного называется научным, а абсолютного – метафизическим, хотя в действительности второй вид познания сводится к вере.

В заключение А.А. Богданов отмечал, что «эволюционизм (здесь – исторический материализм с дополнениями А.А. Богданова), конечно, не может никому навязать идеалов, потому что идеализм – дело чувства, а не познания. Но, как всякое ясное познание, эволюционизм дает прочную... опору для идеалистической деятельности... Не таков идеализм. Он не может указать способ выяснять, осуществимы ли данные идеалы и каким путем их осуществить, да и не считает этого своей задачей. Он не может также дать убедительного критерия прогрессивности идеалов: ведь прогресс определяется приближением к абсолютному, а оно не подлежит точному определению, потому что не может быть выяснено словами» [4].

В.М. Чернов, думается, мог черпать из этой статьи А.А. Богданова дополнительные аргументы против концепций социального прогресса большинства российских либералов, а не только Н.А. Бердяева. Возвращаясь к точке зрения В.М. Чернова относительно роли социальных идеалов, повторим, что, вскрыв слабость критики Н.А. Бердяевым «субъективизма», он отметил, что не видит препятствий для формирования «научным» способом общественного идеала, призванного выполнять следующие функции:

1. Идеал – основа «научной» этики.
2. Идеал является ориентиром для общественного движения и критерием оценки общественных преобразований.
3. Идеал наполняет смыслом жизнь человека, стимулируя его на полное раскрытие лучших свойств своей личности.
4. Социальные действия таким образом ориентированных личностей и групп придают прогрессивный характер общественному развитию, что в определенной мере является гарантией прогресса.

Главной из них он считал возможность идеала стать основой «новой этики». В.М. Чернов, продолжая линию народничества, много внимания уделял этическим вопросам социалистического движения и теории социализма, полагая, что стремление к общественному идеалу является мощным стимулом формирования активной жизненной позиции личности. Поэтому он настойчиво доказывал, что в основу деятельности и партии должна быть положена теория социализма, включающая в себя теорию морали, которую следует специально разрабатывать [5. С. 85].

С социал-демократами его объединяло материалистическое понимание происхождения морали («первоисточник нравственных норм, – отмечал он, – (следует искать) в самом человеке, в его социальной природе»), ее исторически изменчивого характера, наличия в морали классовых обществ элементов общечеловеческого и классового значения. Так же как подавляющее большинство социал-демократов, В.М. Чернов был уверен, что классовость морали будет преодолена в социалистическом обществе, однако роль морали при этом не уменьшится, а возрастет. В этом пункте он был противником точки зрения А.А. Богданова и его сторонников об отмирании морали в обществе будущего. Правда, следует заметить, что А.А. Богданов говорил об установлении в социализме «товарищеских отношений», т.е. исключающих какое-либо ущемление личности. Но В.М. Чернов вполне резонно указывал на этические проблемы текущей эпохи, когда именно высоконравственные личности, по его мнению, могли способствовать оздоровлению общественных отношений и разговоры о «внеэтичности» социализма сбивали людей с толку и вредили делу социализма.

В статье «Идеализм в марксизме», опубликованной до 1900 г., он писал: «Этика, в смысле рационального построения идеала и диктуемой им системы поведения, есть необходимая составная часть мирозерцания человека и революционера. И только социализм, поднимающийся над классовыми особенностями, ставящий себе целью их уничтожить, освободить человечество от этих антиобщественных перегородок, несет с собой действительно общечеловеческую этику. Что классовое положение сказывается на этических понятиях – это более чем верно. Но неправилен был бы отсюда вывод, что невозможна нравственность, претендующая на общечеловеческое значение... Противоположное утверждение привело бы нас к тому нелепому выводу, что социализм, уничтожив классы, уничтожил бы и честь, и совесть, и нравственность. Эпоха уничтожения классов будет только эпохой наивысшего развития и распространения нравственности. Но носители идеи социализма и в пределах современного общества могут и должны быть провозвестниками высших общечеловеческих начал морали» [2. С. 374].

Российская ситуация после поражения революции 1905–1907 гг. стала толчком к непосредственной разработке им основ «новой этики».

Эти основы им формулировались в ходе анализа этики в учениях Л.Н. Толстого и Ф. Ницше. «Мы также (как и Л. Толстой. – *Т.К.*) исходим в этике из *идеала* – из идеала “свободного общества равных”, в котором нормы взаимных человеческих отношений основаны на безусловном исключении *всякого* насилия, *всякой* лжи, хитрости и обмана, *всякой* ненависти, мести и злобы. В этом обществе и для нас (как и для Л. Толстого. – *Т.К.*) человек не может быть для другого человека простым средством или орудием; в этом обществе гармония интересов и взаимная симпатия делают различных людей как бы «членами единого тела» (выделено В. Черновым. – *Т.К.*) [6. С. 80].

На этом сходство принципов этики в учении Л. Толстого и В.М. Чернова заканчивается, и вперед выступают их различия. В.М. Чернов подчеркивал абстрактность идеала Л. Толстого, предлагавшего сделать абстрактные нормы

морального идеала нормами непосредственного поведения и не заботиться о конкретных формах об- щезития – под- разумевалось, что они сложатся сами собой в результате нравственного поведения отдельных лиц. Сам В.М. Чернов шел по другому пути. Он считал обязательным конкретизировать идеал материалом «общественных и государственных наук» и тем самым превратить «моральную схему» в «полный общественно-политический идеал». Тот факт, что идеал является исходным пунктом этики, дает возможность, полагал В.М. Чернов, увидеть две «первоначальные нормы новой этики».

Первая норма им формулировалась так: «Вырабатывай себе идеал, стоящий на уровне современного научного знания, следовательно, постоянно совершенствуй его, подвергай его постоянному критическому пересмотру, согласуй его с новыми данными общественной науки, иди в уровень с ее развитием. В этом идеале для тебя должно быть сосредоточено summum bonum, все лучшее, доступное твоему, вооруженному знанием, представлению. Познание идеала для тебя поэтому должно играть ту же роль, что познание Бога для людей архаических верований. К этому познанию нужно отнести не с легкостью досужего любителя знания или увлекающегося фантазера, а с глубокой серьезностью, с высшим напряжением своей *теоретической совести*» (выделено В. Черновым. – Т.К.) [6. С. 80–81].

В.М. Чернов указывал, что уже с одной этой нормой этики логически связан (из нее вытекает) целый ряд новых «добродетелей»: «научно-теоретическая совесть»; развитая, вечно деятельная критическая мысль; стремление идти в ногу с развитием знания; логическое бесстрашие; познавательный энтузиазм и благоговейное отношение к идеалу» [6. С. 81].

Вторая норма этики требовала: «будь действительным носителем этого идеала в действительности. Это значит: сделай данный идеал содержанием твоей практической воли» [6].

Обе нормы, по мнению В.М. Чернова, являются лишь двумя сторонами одной и той же нормы, им соответствующей две разных стороны в интеллектуальном развитии человека – «объективно-теоретическая и субъективно-практическая» (или нравственная). «Дорабатываясь до идеала, человек делает новый шаг, поднимается на новую ступень в своей психологической эволюции»³. Нужно, чтобы идеал укоренился в сознании, подчеркивал он, «сам превратился в единство, в гармонический строй этого сознания, сделался бы неотделим от него, как организующая форма неотделима от организуемого содержания. Только на этой ступени развития создается «нравственная личность» в человеке, создается и укрепляется его нравственный характер, поступать *против* которого становится в конце концов столь же трудно, как трудно заставить себя делать иначе, чем подсказывает неумолимая логика» (выделено В. Черновым. – Т.К.) [6. С. 83].

Из сказанного видно, что связь между идеалом общественным и идеалом личным предполагалась прямая – содержание индивидуального идеала определялось содер-

жением общественного, личность должна была в себе вырабатывать те «свойства», которые необходимы для реализации социального идеала. В связи с этим В.М. Чернов специально подчеркивал, что понятие «личное моральное усовершенствование» принадлежит не только «толстовству», а является основой *всякой* этики. Разница лишь в интерпретациях, в «толстовстве» оно подразумевает главным образом «подавление страстей», в социалистической этике работа над собой – это «процесс развертывания человеческой природы и всех ее потенций на единой творческой задаче... посылно работать для воплощения в жизнь общественного идеала и являться на практике *достойным его носителем, живым свидетельством за него перед людьми*» (выделено мною. – Т.К.) [6. С. 84]. Но В.М. Чернов сразу же оговаривался, что и здесь «личное усовершенствование» не свободно от идеи «борьбы с самим собой», потому что каждый принадлежит (по рождению, по воспитанию, по привычкам) к «здешнему граду», в том числе, подчеркивал он, и представители рабочего класса.

Здесь уместно остановиться на понимании В.М. Черновым роли религии. Он, встав на позиции социализма, до конца жизни сохранял к религии отрицательное отношение и был противником нейтральности в этом вопросе. «Необходимо провозгласить, – писал он, – что социализм стремится не только к политической и экономической, но и к умственной эмансипации всего человечества, что самодержавие догмы, цепи отживших верований, поработавших умы, социализму не менее ненавистны, чем цепи юридических или хозяйственных притеснений» [2. С. 377]. Это было написано в конце XIX в., но данная точка зрения сохранялась и позже.

В статье 1913 г. («Сентиментальная этика и научная этика»), говоря о В.С. Соловьеве, он напоминал, что «метафизическое и даже религиозное направление его ума не мешало ему признать, что этика не может просто вытекать из религии или основываться на ней, как на своем незыблемом фундаменте. Он ... отстаивал автономию и тесно связанную с нею непосредственность этики» [5. С. 84]. Здесь же В.М. Чернов приводил характерное в этом плане высказывание В.С. Соловьева: «...всякое нравственное учение, какова бы ни была его внутренняя убедительность или *внешняя* авторитетность», будет висеть в воздухе, если не найдет точки опоры «в самой нравственной природе человека... Признание этой истины несколько не зависит от того или другого, метафизического или научного взгляда на происхождение человека. Продукт ли длинного ряда видоизменений животных организаций, или непосредственное произведение высшего творческого акта, человеческая природа во всяком случае существует со всеми своими отличительными чертами, между которыми важнейшее место занимают черты нравственности» [7. С. 43]. Обращение к В.С. Соловьеву понадобилось В.М. Чернову, чтобы показать «богоискателям», «христианам третьего завета» или «богостроителям», что они «ухитрились... пойти назад» сравнительно со столь авторитетным для них мыслителем. Сам же Виктор Михайлович Чернов, как мы выяснили, был сторонником «научной» этики: «Будущее принадлежит синтетической морали, основным стержнем которой будет общественный идеал – и притом не абстрактный, не заоблачный, а облеченный в плоть и кровь

³ В.М. Чернов прослеживал в человеческой эволюции последовательную смену следующих регуляторов социального поведения: инстинкта, аффекта, «расчета пользы», «подчинения инстинктов, привычек, аффектов и расчетов – идеалу» [6. С. 81–82].

исторической реальности путем строго научного метода» [5. С. 121].

Есть основания полагать, что суждения российских мыслителей рубежа XIX–XX вв. о природе, функциях и

степени прогрессивности социальных идеалов могут стать основой для более глубокой проработки этих проблем в дискуссиях современных социальных теоретиков и практиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернов В.М.* Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское Богатство. 1901. № 12.
2. *Чернов В.М.* Идеализм в марксизме // Философские и социологические этюды: Сб. статей. М., 1907.
3. *Бердяев Н.А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. СПб., 1901.
4. *Богданов А.А.* Что такое идеализм // Из психологии общества: Сб. статей. 2-е изд. СПб., 1906.
5. *Чернов В.М.* Сентиментальная этика и научная этика // Заветы. 1913. № 6.
6. *Чернов В.М.* Этика и политика (Очерки) // Заветы. 1912. № 2.
7. *Соловьев В.С.* Оправдание добра: нравственная философия. М., 1996.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «История» 19 декабря 2003 г.